

Новые книги

«ИМПЕРИЯ», ИЛИ ПРОЩАНИЕ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Рецензия на книгу: Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практикс, 2004. – 440 с.

Барсукова Светлана Юрьевна

д. соц. н., проф. кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ

Есть книги, пробуждающие в нас творцов: от их прочтения рождаются собственные мысли, которые кажутся вполне достойными, чтобы ими поделиться. Есть книги, которые собственные мысли низводят до ранга пигмеев. «Империя» из этого числа.

Мое первое знакомство с книгой было заочным. Зарубежный коллега удивился моей неосведомленности. Точнее, он был потрясен. Западные обществоведы объявили «Империю» наиболее интеллектуально продвинутой версией неомарксизма, а авторов назвали Марксом и Энгельсом эпохи Интернета. Ф. Джеймисон анонсировал книгу как «первый великий теоретический синтез нового тысячелетия».

Наконец книга вышла на русском языке. В полной тишине.

Отчасти тому виной сами авторы – книга написана языком, отделяющем ее от «простецов» (вспомним У. Эко) прочной стеной интеллектуального превосходства. Отчасти причина в непопулярности марксизма на родине почти победившего социализма. Причин много, но важен итог: *«Империю» замолчали*. Эта высшая мера невнимания к одной из самых значительных книг последних лет заставила меня пренебречь опасностью быть смешной, рассуждая о труде гигантов.

Сразу оговорюсь, что не разделяю «безудержную радость быть коммунистом» (с. 380), поэтому часть книги перешла для меня в разряд малоинтересного чтения. Это касается страниц, посвященных освободительному потенциалу пролетариата в борьбе с Империей. Более того, пафосность этих страниц меня смущала и отталкивала. Но авторы и не скрывают симпатию к Спинозе с его изречением, что пророк создает свой народ. Отсюда – «...политический дискурс должен возвыситься до пророческой роли» (с. 74). В полном соответствии с этой установкой книга распадается на интереснейший *анализ свершившихся перемен, и пророчества перемен грядущих* в терминах борьбы, и, конечно, победы пролетариата. Мои симпатии целиком на стороне первой ипостаси книги.

Позиция авторов четко заявлена: мы живем во времена Империи¹. Современность с ее опорой на идеи модерна закончилась. Наступил новый мировой порядок, экономическим нервом которого является мировой рынок, а организационной структурой – сети. Империя – политически единый мир и глобальный рынок. Книга о том, как складывался этот порядок, каков механизм его исполнения, как изменяются в этой связи социальные институты, трудовые отношения, практики расизма, международные нормы и пр. Как правило, до эмпирики текст не опускается, ограничиваясь сферой логики². Воспроизведем ее в основных чертах.

¹ Принципиально подчеркнуть, что Империя, о которой пишут М. Хардт и А. Негри, не имеет аналогов в прошлом. Великую Российскую империю или Британскую империю в терминах авторов правильнее было бы называть не империями, а империалистическими владениями.

² Менее всего авторы хотели быть создать «хронику событий политической жизни, т.е. по сути, самый немощный и скучный образ отражения бытия» (с. 335).

Международные отношения: от договоров к наднациональной власти

Что же означает переход к Империи в сфере международных отношений? По мнению авторов, переход к Империи – это правовая эволюция *от идеи международного порядка*, основанного на договорах и соглашениях национальных суверенов (Вестфальский мир, Венский конгресс, создание Священного союза и пр.), *к идее глобального порядка* как новой суверенной наднациональной всемирной власти³. *Постсовременность* предполагает доминирование наднационального права, которое в конечном счете определяет право внутреннее⁴. Глобализация экономики снижает эффективность правовых структур, действующих на национальном уровне, и увеличивает возможности наднациональных правовых институтов – ВТО, МВФ, Всемирного банка и пр. Промежуточным звеном этого перехода выступает ООН⁵.

Принципиальная новизна складывающегося глобального порядка заключается прежде всего в легитимности *права на вмешательство*. В эпоху современности вмешательство допускалось для принудительного обеспечения *добровольно достигнутых договоренностей*, тогда как постсовременность оправдывает вмешательство *во имя высших моральных принципов* под предлогом возникновения чрезвычайной ситуации. Новое имперское право – это сдвиг к универсальным этическим ценностям как результат унификации условий производства. Отсюда возрождение понятия «справедливые войны» (используемого в дебатах о войне в Персидском заливе). Принципиальная новизна состоит в том, что справедливая война перестает быть практикой защиты или сопротивления, а трактуется как форма предупреждения гуманитарных проблем.

Империя предполагает, во-первых, легитимность военного аппарата в силу моральной обоснованности его акций («Империя создается не только на основе одной лишь силы, но и на основе способности представить эту силу залогом права и мира» – с. 29), во-вторых, эффективность военных действий как средство достижения порядка в политически едином мире. В этом смысле Ф. Фукуяма прав, рассуждая о конце истории: история

³ Идея наднациональной власти не объясняется «анахроническими моделями» устройства национальных государств Гоббса и Локка. У Гоббса все сводится к договору людей, отдающих себя под власть государства. У Локка (институциональный реализм) картина иная: по мере становления центра формируются сети локальной контрвласти как система сдержек и противовесов. Но, по мнению авторов, для объяснения природы глобальной власти нужна новая парадигма, а не перенос идей Гоббса или Локка на мировой уровень.

⁴ Что касается самого термина «постсовременность», то сами авторы считают его весьма «незатейливым». Но «линейка времени» (досовременность, современность и постсовременность), фиксирующая парадигмальные сдвиги, кажется им несопоставимо более верной, чем теории циклов. Теории циклов категорически не устраивают авторов, поскольку «с позиции теории циклов невозможно распознать момент разрыва системы, изменение парадигмы, событие. Напротив, все должно двигаться по кругу, и, таким образом, история капитализма становится вечным возвращением» (с. 225). В связи с этим критике подвергается книга Джованни Арриги, в которой возвышение США описано по аналогии с тем, что сто лет назад произошло с британцами, а ранее – с голландцами, и еще раньше – с генуэзцами, а лидером следующего большого цикла капиталистического накопления объявляется Япония. Авторы полны веры в силу человека, тогда как «теория циклов навязывает истории объективный закон» (с. 224).

⁵ «С одной стороны, вся идея структуры ООН основывается на признании и легитимации суверенитета отдельных государств... Однако, с другой стороны, этот процесс легитимации оказывается эффективен только в том случае, если он передает права суверена реальному *наднациональному* центру» (с. 20).

империалистических войн окончилась. «Каждая имперская война является гражданской войной, политической акцией...» (с. 180).

Меняются и формы вмешательства. Помимо военной интервенции арсенал легитимного имперского влияния включает моральное и правовое вмешательство. Моральное вмешательство осуществляют в том числе СМИ, религиозные организации, но ключевую роль играют так называемые *неправительственные гуманитарные организации* (НПО). Поскольку они не связаны напрямую с правительствами, то принято считать, что они руководствуются моральными и этическими императивами. Примеры – «Врачи без границ», «Международная амнистия». Эти «богадельни и странствующие ордена Империи» (с. 47) являются мощным мирным оружием нового мирового порядка.

Изменение состава пролетариата и его политических требований

Лозунг «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!» – это проект разрушения национального государства и создания нового глобального сообщества. И этот проект реализовался. «...Пролетарский интернационализм потерпел поражение, но его дело победило» (с. 60). Борьба пролетариата бросила вызов национальным государствам, поэтому «создание Империи явилось *ответом* на пролетарский интернационализм» (с. 61).

Особо подчеркнем, что пролетариат в прежнем понимании (как промышленный рабочий класс) практически исчез. Пролетариат эпохи постсовременности – это те, «чей труд прямо или косвенно эксплуатируется и подчиняется капиталистическим нормам производства и воспроизводства» (с. 62). Или «мы понимаем под «пролетариатом» не только промышленный рабочий класс, но и включаем сюда всех тех, кто находится в зависимом положении, подвергается эксплуатации и трудится под властью капитала» (с. 241). Аматериальная рабочая сила (трудящиеся, вовлеченные в коммуникацию и производство аффектов) постепенно занимает центральное место в процессе производства и в составе пролетариата.

Если бы пролетариат исчез, и не было бы его борьбы, то не было бы и преобразования капитала, не было бы смены парадигмы его развития. «...Капиталистический кризис не является просто результатом внутреннего развития капитала, но вызван непосредственно столкновением с пролетариатом» (с. 246).

Но изменился не только состав пролетариата. Изменились формы и закономерности пролетарской борьбы. Отдельные очаги борьбы локальны и непродолжительны, они не становятся более началом революционного цикла. Политический парадокс нашего времени состоит в том, что «в наш век, чаще всего называемый веком коммуникаций, борьба стала почти некоммуницируемой» (с. 64). Причины, препятствующие слиянию очагов борьбы: 1) отсутствие признанного общего врага (разъяснение природы общего врага – насущная политическая задача коммунистов); 2) у протестных выступлений нет единого языка (прежде таким языком был язык антиимпериализма и пролетарского интернационализма, теперь же общий язык борьбы надо создать). Это непростые задачи, так как Империя через глобальные сети «снимает» колониальные, расовые, империалистические напряжения.

Однако не все потеряно. «...Насколько протестные движения потеряли в широте охвата, продолжительности и коммуницируемости, настолько они выиграли в интенсивности» (с. 64).

У Маркса есть образ крота истории, который поднимается на поверхность во время открытого классового конфликта, а затем снова уходит под землю и роет дальше, двигая историю. «...Старый крот Маркса раз и навсегда умер» (с. 66). Протестные выступления времен Империи подобны броску змеи. Отсутствие коммуникативных тоннелей означает, что каждое отдельное протестное выступление выполняет работу разрушения, «не ожидая расширения масштабов протеста как условия своего успеха» (с. 66). Теперь «выступления

протеста не связаны по горизонтали, но каждое из них совершает прорыв ввысь, по вертикали, прямо к виртуальному центру Империи» (с. 67).

Если у К. Маркса субъектом борьбы был пролетариат, а объектом – коммунизм, то в эпоху постсовременности субъектом борьбы становятся массы, а объектом – освобождение человечества.

В целом *история борьбы трудящихся* видится следующим образом.

Первая фаза – на авансцене образ *профессионального рабочего*. Целью борьбы являлись республика советов рабочих, создание профсоюзов и строительство авангардной партии.

Вторая фаза приходится на расцвет фордизма и тейлоризма, ее герой – *работник массового производства*. Итог борьбы – организация массовых профсоюзов, создание государства благосостояния и социал-демократический реформизм.

Третья фаза соответствует постфордистскому, информационному режиму производства. Возникает образ *социального рабочего* как представителя аматериальной рабочей силы. Его проект – абсолютная демократия.

Программные политические требования масс в эпоху Империи:

1. *Всемирное гражданство*. Требование, выдвинутое в 1996 г. на демонстрациях во Франции «Документы для всех!» – «это лишь требование того, чтобы правовой статус населения был пересмотрен в соответствии с произошедшими в последние годы реальными экономическими изменениями» (с. 368). Будущие города видятся авторам как «локомотивы циркуляции, временные пристанища» переселенцев⁶. «Рабская принадлежность к нации, к идентичности, к народу» (с. 336) объявляется крепостной зависимостью эпохи постсовременности.

2. *Социальная заработная плата*. Поскольку в условиях Империи «жизнь и производство стремятся к слиянию» (с. 372), то «социальная заработная плата... распространяется на массы в целом и даже на безработных, ибо производят массы в целом» (с. 371). Фактически речь идет о некоем гражданском доходе, который причитается каждому члену общества.

3. *Право на репроприацию*. Не надо путать с национализацией машин и ресурсов как задачей прежних коммунистов. Национализацию никто не отменяет («Частная собственность на средства производства является всего лишь отвратительным деспотическим пережитком» – с. 378), но задача ставится шире. В условиях аматериального производства «репроприация означает свободный доступ и контроль над знанием, информацией, коммуникацией и аффектами» (с. 374).

Борьба пролетариата: от активных забастовок к пассивному «бегству» от общества-фабрики

Конечной целью книги авторы называют «нахождение той почвы, на которой могли бы зародиться силы сопротивления ей [Империи. – С.Б.] и сформироваться альтернативные варианты развития» (с. 298). Вместе с тем авторы честно признаются, что не способны предложить политическую альтернативу Империи. И дело не в интеллектуальной несостоятельности. Альтернатива Империи, по мнению авторов, возникнет не из теоретических изысканий, а из практики. «...Марксу понадобилась Парижская коммуна, чтобы совершить рывок, представив коммунизм в его конкретике» (с. 195). Но что

⁶ Кстати, навязываемые СМИ представления о «кокаиновых путях», о «дорогах терроризма» авторы считают попыткой Империи удержать географическую картину мира в формате изолированных, сегментированных фрагментов.

совершенно очевидно, так это *абсурдность борьбы с Империей на путях изоляции*, определяемой с расовых, религиозных или региональных позиций. Любой такой проект неизбежно вырождается в гетто. «Реально с Империей можно соперничать лишь на ее же уровне общности...» (с. 196).

Авторы спорят с «товарищами из числа левых», которые видят средство борьбы с глобальным капитализмом в защите локального, возводя барьеры на пути потоков капитала. Ошибочно думать, что глобальное влечет за собой гомогенизацию и недифференцируемое тождество, тогда как локальное сохраняет гетерогенность и различие. «Глобальность не должна пониматься как культурная, политическая и экономическая гомогенизация» (с. 55). По мнению авторов, уже невозможно возродить локальные идентичности, которые бы были *вне* глобальных потоков капитала и Империи. Бороться нужно не против глобализации как таковой, но против *Империи как особого режима глобальных отношений*. Любые ностальгии по прошлому авторы считают неуместными. И дело не в этическом отношении к пролитой в эпоху современности крови. «Империя лучше в том же смысле, в котором Маркс отстаивает превосходство капитализма над предшествовавшими ему формами общества и способами производства» (с. 54).

Самое трудное в новых условиях – определить врага. Поскольку его образ размыт, то бороться с ним лицом к лицу не получится. Лучше повернуться к нему спиной, оставив его наедине с пустотой. «Если в дисциплинарную эпоху важнейшим понятием сопротивления был *саботаж*, в эру имперского контроля им может стать *бегство*» (с. 201). Империи угрожают не организованные в профсоюзы рабочие, а внешне дезорганизованные, не ясно структурированные формы труда и жизни. Неуправляемая миграция, эпизодическая занятость, отказ от общепринятой заботы о «завтрашнем дне» – вот то, что угрожает Империи, пытающейся создать общество-фабрику. Авторы используют замечательную метафору: «*героизм человеческой пассивности*» (с. 340). Они убеждены, что протест пролетариата в эпоху постсовременности не имеет ничего общего с баррикадами и стачками. Суть борьбы состоит в отказе «принимать некую жесткую программу материального производства» (с. 257) в качестве жизненной основы.

От дисциплинарного общества к обществу контроля

Империя предполагает особый режим власти, обозначенный авторами как *биовласть*. Биовласть регулирует общественную жизнь «изнутри», т.е. это власть, которая «становится неотъемлемой, жизненной функцией, которую каждый индивид принимает и выполняет по собственному согласию» (с. 36). Дисциплина и принуждение не являются более голосом извне, а представляют собой внутреннее долженствование.

Идею перехода от дисциплинарного общества к обществу контроля авторы позаимствовали у М. Фуко (хотя тот не формулировал идею в таких терминах). В дисциплинарном обществе дисциплинарные институты (тюрьмы, фабрики, школы, психбольницы и пр.) структурируют социальную территорию. В обществе контроля механизмы принуждения становятся имманентными социальному полю, составляя внутреннюю сущность самих субъектов (посредством коммуникационных систем, информационных сетей, СМИ и пр.). Как писал М. Фуко, «жизнь стала ... объектом власти».

Данный переход стал возможен при изменении институциональной логики. В эпоху современности социальные институты производили устойчивые идентичности, подобные стандартизированным деталям машин: мать, рабочий, учащийся и т.д., поскольку институты эпохи современности были выделены *локально* (дом, церковь, цех). Совокупность институтов была подобна «архипелагу фабрик субъективности» (с. 186). «...В стенах каждого института индивид, по крайней мере частично, был защищен от воздействия других

институтов» (с. 186). Но эта идентификационная жесткость стала препятствием для капитала, устремленного к максимальной гибкости и мобильности.

При переходе к Империи институты преодолевают локальности и связанные с этим ограничения. Скажем, дискурсы и практика «семейных ценностей» проникают во все сферы социального пространства. «Человек всегда все еще находится в семье, всегда все еще в школе...» (с. 187). Это означает производство субъективностей без четкой социальной идентификации, гибридных, изменчивых. Конечно, в дисциплинарном обществе идентичность индивида не была одномерной: человек мог быть отцом и рабочим одновременно. Но разные формы идентичности определялись различием времени и местонахождения: отец – дома, рабочий – на фабрике. «В обществе контроля все эти различия времени и местонахождения утрачивают свою определенность и разграниченность. Гибридная идентичность... – это рабочий вне фабрики, ученик вне школы... – все это одновременно» (с. 308–309).

Таким образом, дисциплинарное общество основано на разделительных линиях, определяющих зоны эффективности институтов, тогда как общество контроля использует горизонтальную сетевую структуру общества, весь пакет социальных связей. *Именно алокальность институтов позволяет им, внешне разлагаясь, повышать интенсивность воздействия.* «Институты работают, даже если они распадаются, – и, возможно, они работают тем лучше, чем больше распадаются» (с. 187).

Постмодернизм и фундаментализм: от противников модерна до союзников Империи

Постмодернистские и постколониалистские теории несмотря на ниспровергательную риторику, по мнению авторов, «ломаются в открытую дверь» (с. 136) Империи. Сама приставка «пост» подчеркивает, что эти теории заострены против прошлых форм правления. Постмодернисты оказались в тупике, поскольку они не способны адекватно определить объект своей нынешней критики. Дело в том, что теоретики постмодернизма и постколониализма защищают разнообразие, текучесть и гибридность как вызов бинарной логике и жесткой определенности эпохи современности⁷. «Дискурс» и «интерпретация» представлены как мощное оружие против институциональной ригидности, свойственной модернистской картине мира» (с. 139). Но специфика господства Империи в том и состоит, что она «управляет посредством различных иерархий гибридных и фрагментированных субъективностей, которыми так восторгаются эти теоретики» (с. 136). «Обращаемость, мобильность, разнообразие и смешение являются самими условиями возможности мирового рынка» (с. 147). «Власть... зашла им в тыл, чтобы присоединиться к ним в штурме от имени разнообразия» (с. 136).

Например, постмодернистское мышление в области международных отношений опровергает модернистское воспевание национальных государств и территориальную целостность. В противовес этой картине мира постмодернисты «боролись за то, чтобы оспорить суверенитет государств посредством разрушения государственных границ и выдвижения на первый план беспорядочных и неконтролируемых международных перемещений и потоков» (с. 139). Но «фактически Империя тоже решительно настроена на то, чтобы отбросить все эти формы суверенитета эпохи современности и обеспечить свободу различий, не

⁷ Авторы считают, что «общим знаменателем» многочисленных и разнообразных постмодернистских теорий является атака на Просвещение и современность. Но дело в том, что у истоков современности лежали две конфликтующие традиции: революционный гуманизм Возрождения и реакция на него в виде создания дуализмов как основы картины мира. «Когда постмодернисты противостоят современности, они на самом деле выступают против второй традиции из нашей схемы» (с. 138).

стесненных границами» (с. 140). Если прежде «национальные государства были главными игроками... мирового производства и обмена, то для мирового рынка они оказываются во все возрастающей степени лишь преградами» (с. 147). Знамя плюрализма и многообразия подхвачено Империей, а потому «структура и логика власти в сегодняшнем мире полностью защищены от “освободительного” оружия постмодернистской политики различия» (с. 140). «Имперская машина живет..., притязая на реализацию проекта универсального гражданства, ...непрестанно разрушая историю и идентичность в типично постмодернистской манере» (с. 45). Современность, при которой «власть и силы социального угнетения функционируют путем наложения бинарных структур и тотализующей логики на социальные субъектности, подавляя разнообразие» (с. 141–142), осталась в прошлом, а потому «постмодернисты все еще ведут битву против теней старых врагов» (с. 139).

Довольно оригинально сравнение авторами фундаментализма и постмодернизма. По их мнению, «упрощая, можно утверждать, что постмодернистские дискурсы прежде всего обращены к победителям в процессе глобализации, а фундаменталистские – к проигравшим» (с. 146). Это варианты осмысления, «ответ на одну и ту же ситуацию, только на противоположенных полюсах глобальной иерархии» (с. 146). Иными словами, «глобальные тенденции роста мобильности, неопределенности и гибридности переживаются одними людьми как своего рода освобождение, а другими – как усиление страдания» (с. 146).

Объявление постмодернизма и фундаментализма родственными течениями на первый взгляд довольно странно. Ведь их дискурсы полностью противоположны: постмодернизм выступает за смешение, различие, мобильность, тогда как фундаментализм несет на знаменах чистоту, тождество, застой. Но дело в том, что фундаментализм неверно понимать как воссоздание мира, каким он был до эпохи современности. Скорее это отрицание глобализации через призыв к вымышленному образу прошлого. Фундаментализм основан на исторических иллюзиях. «Возврат к традиции» является вымыслом наших дней, направленным против сегодняшнего социального порядка. А потому фундаментализм правильнее понимать не как домодернистский, но как *пост*модернистский проект.

Адекватность постмодернизма логике глобального капитала иллюстрируется отсылками к маркетингу и теориям менеджмента. «Сам по себе маркетинг является практикой, основанной на различиях, и чем больше дано различий, тем больше возможностей развития маркетинговых стратегий» (с. 148). Дифференцированное население обеспечивает растущее число «целевых групп», для которых пригодны специфические маркетинговые стратегии – «одна для латиноамериканцев-гомосексуалистов в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет, другая для американских девочек-подростков китайского происхождения» (с. 148).

Что касается теорий менеджмента, то «нынешние гуру корпоративной культуры... проповедуют эффективность и прибыльность разнообразия и мультикультурализма внутри корпорации» (с. 149). Задачей менеджера является перевод энергии различий людей различных рас, полов и сексуальной ориентации в проценты прибыли.

Постмодернизм особенно популярен в среде элитных слоев американской интеллигенции. В других же регионах и классовых сферах его политический пафос неоднозначен. Скажем, постмодернизм воспекает мобильность, отождествляемую со свободой. Но для огромных групп людей мобильность воспринимается как страдание, а стабильное и определенное место проживания, напротив, оказывается самой насущной необходимостью. То же и с постмодернистской критикой истины. Установление и обнародование истины, скажем, о злоупотреблениях госслужащих, о палачах, о диктаторах является условием демократического будущего. Иными словами, не отрицая интеллектуальных заслуг постмодернистов, авторы считают, что «освободительный потенциал постмодернизма... лишь еще более укрепляет положение привилегированных групп населения» (с. 152).

От модернизации к постиндустриализации (информатизации) общества

Экономическая модернизация – это переход от преобладания сельского хозяйства к господству промышленного производства, т.е. это индустриализация экономики. Постмодернизация – это переход от преобладания промышленности к преобладанию сферы услуг и информации, т.е. это информатизация экономики.

Никто и никогда не объяснил суть этих вещей с такой ясностью. Доказательства перехода от одной парадигмы к другой, выраженные в количественных показателях (доля населения, занятого в этих сферах, доля стоимости, создаваемой разными секторами) категорически не устраивают. Сомнительна сама способность количественных показателей отражать парадигмальные сдвиги.

Авторы блестяще объясняют суть модернизации и информатизации с точки зрения *иерархической взаимосвязи* различных секторов экономики в рамках каждой парадигмы. Суть модернизации не в снижении количественных показателей сельскохозяйственного производства и не в миграции рабочей силы из сельского хозяйства и добывающих отраслей в промышленность (что верно), а в том, что само *сельское хозяйство приобрело промышленный характер*. «...Ферма постепенно превратилась в фабрику» (с. 267). Соответственно суть постмодернизации состоит отнюдь не в миграции работников из промышленности в сферу услуг (что статистически тоже верно), а в том, что *промышленное производство приобретает характер сферы услуг*. «Новый императив управления теперь звучит так: “Относись к производству как к услуге”. ...Так же, как в процессе модернизации все области производства стремились к тому, чтобы приобрести промышленный характер, так в процессе постмодернизации все производство тяготеет к производству услуг» (с. 268).

Наиболее показательный пример подобного изменения – переход от фордистской модели к тойотистской. «Массовое производство стандартизированной продукции в фордистскую эпоху... в незначительной степени нуждалось в том, чтобы “прислушиваться” к рынку» (с. 271). Тойотизм – это инверсия взаимосвязи между производством и потреблением, «поскольку, по крайней мере теоретически, решение о производстве товара принимается после и как реакция на решение рынка. В предельных случаях товар не производится до тех пор, пока потребитель не выбрал и не оплатил его» (с. 272). Стало быть, коммуникации и информация начинают играть центральную роль в производстве⁸.

Количественный подход приводит к историческим ошибкам, когда некоторые общества XX в. рассматриваются как аналоги обществ, существовавших в прошлом. Скажем, по доле сельскохозяйственного производства и доле занятых в этой сфере сравнивают современную Индию или Нигерию со вчерашней Францией или Англией. Это полный бред! На ранних этапах истории, когда Франция и Великобритания были аграрными странами, сельское хозяйство было господствующей сферой в экономике, а в XX веке сельскохозяйственное производство оказалось подчиненным промышленности в рамках мировой системы. Стало быть, современная Нигерия и прошлая Франция «находятся не на одном пути развития, а в абсолютно различных и даже противоположных ситуациях – господства и подчинения» (с. 265).

По этому поводу авторы обрушивают критику на дискурс экономического развития, предполагающий, что «экономическая история всех стран мира следует одному-единственному пути развития, каждая в разное время и с разной скоростью» (с. 265). Эти

⁸ Мануэль Кастильс и Юко Аояма выделили две модели информатизации. Первая *модель экономики услуг* (США, Канада, Великобритания) характеризуется резким перераспределением рабочей силы из промышленности в сферу услуг, где доминируют финансовые услуги. В рамках второй *инфо-индустриальной модели* (Япония, Германия) менее активно сокращается занятость в промышленности, а сам процесс информатизации преимущественно связан с промышленным производством.

теории плодят ложные исторические аналогии. При таком подходе не учитывается, что экономика развитых стран – это не набор количественных характеристик, но *господствующее положение в мировой системе*. Отставание зависимых экономик не означает, что они не растут, просто их рост сохраняет их *подчиненное положение* в мировом хозяйстве. «Географические различия в мировой экономике являются не признаками сосуществования различных стадий различия, а разделительными границами новой глобальной иерархии производства» (с. 270).

В информационном обществе ключевую роль играет аматериальный труд. «...Аматериальный труд – это труд, производящий аматериальные блага, такие, как услуга, продукт культуры, знание или коммуникация» (с. 272). Существует три типа аматериального труда: а) производство как услуга, когда материальный труд по выпуску товаров тяготеет по характеру к аматериальному труду; б) решение аналитически-символических задач, включая рутинные операции над символами; в) порождение аффектов и манипулирование ими.

Важно отметить, что «благодаря компьютеризации производства всякий труд приобретает значение абстрактного труда» (с. 274). По Марксу, разные формы трудовой деятельности носили принципиально гетерогенный характер, скажем, швейное и текстильное производства включали несопоставимые между собой конкретные операции. Но «трудовая деятельность на компьютеризованном швейном производстве и на компьютеризованном текстильном производстве может включать одни и те же конкретные операции – преобразование символов и информации» (с. 273). Отсюда постмодернизация – это гомогенизация трудовой деятельности.

Новая информационная инфраструктура обеспечивает возможность глобального производства и управления в новой Империи так же, как строительство дорог обеспечивало возможность Римской империи. Сети новой информационной инфраструктуры – это почти всегда гибриды сетевых моделей демократического (например, Интернет) и олигополистического типа (например, теле- и радиовещание). Олигополистические сети характеризуются централизацией, массовым распространением и односторонней связью.

Информатизация вызвала изменение модели организации производства. Рабочие могут легко связываться друг с другом без учета расстояний, или даже просто оставаться дома. Это ведет к исчезновению фабричных городов. Вертикальная индустриально-корпоративная модель трансформируется в горизонтально интегрированное сетевое предприятие. Организационной основой производства вместо конвейера становится сеть. Это уже банальность. Не банальны два вывода, которые делают авторы. Во-первых, сетевизация производства ослабляет положение трудящихся. «Капитал может отказаться от переговоров с данным местным населением, переместившись в другую точку мировой сети – или просто использовать возможность такого перемещения как козырь на переговорах» (с. 277–278). Во-вторых, «географическое рассредоточение производства породило потребность в чрезвычайно централизованном управлении и планировании, а также в централизации специальных услуг, требующихся производству, особенно финансовых» (с. 278). Централизация управления породила феномен *узловых центров сетевого пространства*. «Центробежные процессы в производстве сбалансированы центростремительной тенденцией в управлении» (с. 278). Вместо старых промышленных центров рождаются «подлинные города контроля» (такие, как Нью-Йорк, Токио, Лондон).

От национального государства к мировому «квазигосударству»

Авторы детально описывают эволюцию понятия суверенитета в идею национального государства. Это необходимо для демонстрации искусственности и идеологического

контекста понятия нации. Только на этой теоретической базе призывы авторов к всемирному гражданству приобретают форму вывода, а не лозунга⁹. Повторим их логику.

Критики идеи договорного права утверждали, что истоки политической власти кроются в борьбе, и суверенитет создается силой и насилием. Отсюда: для поддержания порядка нужны универсальные объединительные конструкты. По мере разложения феодальных основ наследственная монархия уже не могла выступать гарантом прочности мира и социальных связей. Модель абсолютистского государства выжила за счет нового трансцендентного обоснования. «Духовная идентичность нации, а не божественное тело короля теперь олицетворяла территорию и население в качестве идеальной абстракции» (с. 98).

С формированием понятия нации «неустойчивые структурные отношения были стабилизированы национальной идентичностью: культурной, интегрирующей идентичностью, основанной на биологической непрерывности кровного родства, пространственной непрерывности территорий и на языковой общности» (с. 98). Значение понятия нации и смысл ее конструирования состояли в отчетливой гомогенизирующей тенденции, скрадывающей конфликты, основанные на социальной и экономической гетерогенности: «Национальная особенность – это потенциальная всеобщность» (с. 107).

Для усиления объединительного начала понятия нации его «привязывают» к категории, естественность и единство которой кажется очевидной. Такой «ложной логической регрессией» стал переход от понятия нации к понятию народа «в качестве изначально существовавшей основы нации» (с. 104). «...Множественный и сингулярный характер масс упраздняется в смирительной рубашке идентичности и гомогенности народа» (с. 108). Тем самым мистифицируется базис социальной гармонии, поскольку идентичность народа должна казаться изначальной и естественной за счет «вымышленного обращения к прошлому» (с. 104).

Поскольку нация – это конструкт, создаваемый властью, она является репрезентацией того класса, который этой властью обладает. Со ссылкой на Сиейеса, утверждавшего, что у нации может быть только *один* общий интерес, авторы трактуют национальные интересы как интересы правящего класса¹⁰.

Анализ авторами современности сводится к тому, что «третье сословие – это власть; нация – его целостная репрезентация; народ – его прочное и естественное основание; национальный суверенитет – ось истории» (с. 106–107).

Эволюция идей видится следующей. Первоначально государству приписывали решающую роль в опосредовании конфликтов, т.е. именно многочисленность и многообразие конфликтов оправдывали существование государства. Затем сами конфликты нейтрализуются *единством* устремлений нации, имеющей «естественную» народную основу. Государство становится субъектом, поддерживающим институциональную основу реализации национального (т.е. общего) интереса, под которым реально скрывается интерес правящего класса¹¹. «Полностью логическая цепочка представительства может быть

⁹ В вопросе государственности авторы четко себя определяют: «Мы не анархисты, а коммунисты...» (с. 325).

¹⁰ Соответственно при нападении фашистской Германии на социалистическую Россию «нации подменяли здесь классовых субъектов конфликта или были масками, прятывшими их лица» (с. 111).

¹¹ Заметим, что в зависимых странах понятие нации выполняло двойственную функцию. С одной стороны, притязание на национальную идентичность легитимировало требования независимости и равенства. «...Идея нации служит прогрессу настолько, насколько она выступает линией обороны против господства более могущественных наций и внешних

выражена следующим образом: народ, представляющий массы, нация, представляющая народ, и государство, представляющее нацию» (с. 132).

Империя стирает различия между государствами, упраздняя понятие нации. Ностальгия по национальным государствам, во-первых, неуместна, так как именно национальные государства были необходимыми условиями империалистического господства и субъектами бесчисленных войн, а во-вторых, бессмысленна. «...Упадок национального государства – это не просто следствие определенной идеологической установки, которую можно изменить усилием политической воли, это структурный и необратимый процесс. Нация являлась не просто явлением культуры, неким чувством принадлежности и сопричастности к историческому наследию, а, прежде всего, экономико-правовым образованием» (с. 313).

Механизмом, перемоловшим разделение пространства на национальные пределы, явился мировой рынок. Империя и есть переход «от национального государства к политическому регулированию глобального рынка» (с. 223). «...Как Фуко понимал паноптикум в качестве диаграммы власти в эпоху современности, мировой рынок может адекватно служить – ...диаграммой имперской власти» (с. 181).

Формирование мирового рынка породило «эффект сходства, одновременно и приближающий остальной мир к ведущим странам, и изолирующий его от них в своеобразное гетто» (с. 237–238). Отсюда неоднократно заявленная позиция авторов, что само понятие Третьего мира перестало быть релевантным: «Третий мир не исчез совсем в ходе объединения мирового рынка, а стал частью Первого мира, стал гетто» (с. 239). Деятельность ТНК по всему миру означала передачу технологий, мобилизацию рабочей силы и местных производственных возможностей, концентрацию финансовых потоков. Новые потребности запустили миграционные цунами. Мобильность населения сделала невозможным управление национальными рынками (особенно рынками труда) по отдельности. «Трудящиеся, бегущие из стран Третьего мира в развитые в поисках работы и достатка, способствовали разрушению границ между этими двумя мирами» (с. 239). Возникла *Империя как мировое квазигосударство*.

От империализма к Империи

Почему капиталу оказался тесен империалистический проект развития и понадобился имперский проект? В чем был движущий момент империализма, и почему он себя исчерпал? Авторы дают свой ответ в строгом соответствии с логикой марксизма.

Капитал постоянно испытывал затруднения от несоответствия рабочего-производителя и рабочего-потребителя. «...Рабочий никогда не создаст достаточный спрос на прибавочную стоимость» (с. 210), так как ее изъятие и составляет суть капиталистической эксплуатации. И эта проблема обостряется, с одной стороны, с ростом производительности труда, в результате чего зарплата рабочих составляет все меньшую часть создаваемой стоимости; с другой стороны – инвестициями капиталистов в производство, что усугубляет недостаточную способность общества к потреблению, как бы масштабируя проблему. Выход один – экспансия. Иными словами, не патологическая воинственность империализма вела его по колониальному пути, а элементарная экономическая потребность вовлечения новых групп населения в процесс потребления создаваемых капиталом благ. «Капитал – это организм, который не в состоянии обеспечивать существование иначе, как устремляясь за

экономических, политических и идеологических сил» (с. 107). С другой стороны, идея национальной идентичности несла в себе реакционный потенциал подавления различий и противоположностей. «Как только нация начинает обретать атрибуты суверенного государства, все ее прогрессивные функции исчезают» (с. 110).

свои пределы... Внешнее окружение ему сущностно необходимо» (с. 212). Незападный мир (Восток, Африка, Индия) был необходим Западу и как негативное основание европейской идентичности. «Конструирование в негативном плане неевропейских других в конечном счете оказывается тем, что формирует и поддерживает саму европейскую идентичность» (с. 123). Восток не был познан как эмпирический объект, но он был сконструирован («ориентализирован») как объект европейского дискурса¹².

Однако проблема в том, что капитал не может удержаться от инвестиций в пространство, открывшееся ему сначала в роли потребителя благ или поставщика сырья. Инвестирование означает наем местной рабочей силы, пролетаризацию социума. Так внешнее становится внутренним. «Подобно миссионеру или вампиру, капитал прикасается к тому, что ему чуждо, и делает его своим» (с. 214). Иными словами, опора на некапиталистическое окружение позволяет реализовать прибавочную стоимость, но потребность в капитализации этой реализованной прибавочной стоимости приводит к «капитализации некапиталистического окружения как такового» (с. 213). Отсюда – «капитал вынужден все время продвигаться к новым рубежам» (с. 215). А поскольку земля имеет предел, логический конфликт между реализацией и капитализацией становится реальным противоречием.

Тупиковость пути была очевидной. С одной стороны, империализм создавал условия для экспансии капитала. Но с другой стороны, империализм создавал и укреплял в мире жесткие границы между странами, препятствовал свободному переливу капитала, рабочей силы и товаров, т.е. мешал созданию мирового рынка. И чем меньше «свободного» пространства оставалось, тем очевиднее становилось, что «империализм означал бы смерть для капитала, если бы не был преодолен» (с. 310). Империализм на излете был подобен лечению, угрожавшему жизни пациента.

Где выход? Фактически памятная дискуссия Ленина и Каутского – это два противоположных ответа на этот вопрос. Каутский считал, что капитализм способен достичь реального политического и экономического объединения мирового рынка, т.е. империалистические войны сменяются мирной фазой «ультраимпериализма» (термин Каутского как аналог понятия Империи). Борьба национальных капиталов заменится их сотрудничеством в мировом масштабе («единый мировой трест»). С этим прогнозом Каутского Ленин был полностью согласен! Они расходились в политическом вопросе. Ленин считал, что революционеры должны использовать противоречия империалистического капитала *прежде*, чем тот эволюционирует в мирный «ультраимпериализм».

О каких противоречиях идет речь? Конец XIX – начало XX вв. отмечены монополизацией капитала и беспощадной эксплуатацией населения колоний, что ухудшало перспективы капитала, гася конкуренцию, с одной стороны, и приближая акции протеста, с другой. В этот период «государство пыталось установить контроль над корпорациями, вводя антитрестовское законодательство, повышая налоги и тарифы и расширяя государственное регулирование промышленности» (с. 287). Начали регламентировать и колониальную эксплуатацию. Ни о какой борьбе государства и капитала не было и речи. Все проходило в строгом соответствии с марксизмом, утверждавшим, что государство необходимо, чтобы «согласовывать интересы отдельных капиталистов, возвышая их до уровня совокупного

¹² Ответственность за это возлагается на антропологию, усилиями которой аборигенный Другой импортировался в Европу. Антропологические и исторические описания неевропейцев в терминах примитивности и отсталости легитимировали колониализм. Этим грешит и К. Маркс, утверждавший, что «истории индийского общества нет». Под этим Маркс понимал не то, что в Индии ничего не происходило, но что курс событий определялся исключительно внешними силами. Авторы видят ограниченность марксизма в том, что в его рамках можно представить «неевропейскую историю лишь как строго движущуюся по пути, уже пройденному самой Европой» (с. 120).

интереса всего капитала» (с. 285). Дальше логически следовало, что капитал рано или поздно реорганизуется, найдя адекватную форму политического устройства.

Поэтому и торопился Ленин, споря с Плехановым о готовности к революции. Ленин видит альтернативу: *либо мировая коммунистическая революция, либо Империя*.

Но история не реализовала замыслы Ленина. Конец XX в. – ТНК преодолевают юрисдикцию и полномочия национальных государств. «В идеале у мирового рынка не существует внешнего: весь мир является его владением» (с. 181). Поверхностные наблюдатели готовы признать: государство потерпело поражение, а корпорации правят миром. Но все сложнее. Нынешняя фаза развития капитализма – это подрыв могущества *национальных государств*, функции которых перешли на другие уровни и в другие сферы. Контроль и выражение интересов совокупного капитала осуществляется посредством ряда международных структур. «...Власть конституируется на наднациональном уровне, иными словами, ...начинается складываться Империя» (с. 289).

Пирамида мирового устройства

Авторы определяют конфигурацию глобальной власти как пирамидальную структуру, состоящую из трех последовательно расширяющихся ярусов, каждый из которых вбирает несколько уровней.

1-й ярус (это фактический центр управления миром) включает в себя три элемента – монополию применения силы, регулирование финансов и производство культурных кодов. Соответственно на первом ярусе оказываются США как страна, монополизирующая право на применение силы в глобальном масштабе; организации, контролирующие рычаги мировой финансовой системы (Большая семерка, Парижский и Лондонский клубы, Давосский экономический форум и пр.); и культурные объединения, обладающие достаточным символическим капиталом для решающего влияния в культурной сфере. «Имперский контроль осуществляется при помощи трех глобальных и абсолютных средств: ядерной бомбы, денег и эфира» (с. 320). Или: «эффективность основывается на разрушении (посредством бомбы), наказании (посредством денег) и запугивании (посредством коммуникации)» (с. 331).

2-й ярус (условно назовем его производственным) представлен сетевыми структурами, созданными ТНК, и основной массой национальных государств. Эти государства, по сути, осуществляют политическое опосредование интересов ведущих мировых держав и ТНК, а также насаждают дисциплину среди местного населения. Деятельность ТНК возможна благодаря защите и гарантиям со стороны первого уровня глобальной системы. Роль ТНК в создании Империи выходит за пределы экономики: «Гигантские промышленные и финансовые силы производят не только товары, но и субъективности. ...Они производят потребности, социальные отношения, тела и умы, – иначе говоря они производят производителей» (с. 44).

3-й ярус (определим его как выражение интересов населения в системе мировой власти) представлен неправительственными организациями (НПО) и зависимыми малыми государствами. В начале 1990-х годов в мире насчитывалось более 18 тыс. неправительственных организаций. Их функции крайне разнообразны: замена традиционных профсоюзов (например, Ассоциации женщин-предпринимателей), миссионерство (например, Организация католической помощи), защита групп населения, не представленных государством (например, Всемирный Совет аборигенных народов), и пр.

Подчеркнем, что грядущая Империя не является американской, а США – ее центром. «Основопологающий принцип Империи... заключается в том, то ее власть не имеет никакой реальной и локализуемой территории или центра. Имперская власть распределена в сетях

посредством мобильных и взаимосвязанных механизмов контроля» (с. 354). Пирамида власти утверждает ее принципиальную алокальность. «...У нашей постсовременной Империи нет своего Рима» (с. 297).

Привилегированное место США в Империи

Отсутствие у Империи центра не означает, что США ничем не отличаются в ряду других стран. Америка занимает, безусловно, привилегированное положение в глобальных иерархиях (даже центр современного искусства переместился из Парижа в Нью-Йорк). Это объясняется двумя факторами: борьбой американского пролетариата и спецификой американского конституционализма.

Первое не может не вызвать удивления, поскольку американцы не особо отмечены забастовочной активностью. Но, по мнению авторов, удар по капитализму во второй половине XX в. нанесли не стачки и забастовки рабочих, а их новые жизненные установки, новые формы коллективного поведения, требующие переопределения управленческой парадигмы. И ярче всего это проявилось именно в США. «В противовес традиционному утверждению о слабости американского пролетариата вследствие его незначительного представительства в политических партиях и участия в профсоюзах... мы, как ни странно, считаем его сильным именно вследствие этих причин. Сила рабочего класса сосредоточена не в институтах представительства, но в... автономии самих трудящихся» (с. 252).

В 1960-е и 1970-е годы в Америке произошла коренная переоценка ценностей: «Молодежь, отвергавшая удушающую повторяемость фабрики-общества, изобретала новые формы мобильности и гибкости, новый образ жизни» (с. 257). «Перспектива получить работу, гарантирующую постоянную и стабильную занятость восемь часов в день, пятьдесят недель в году на всю жизнь, перспектива подчиниться царящему на обществе-фабрике режиму нормализации, что было мечтой для многих их родителей, теперь казалась смерти подобной» (с. 257). Иными словами, не «настоящая» политическая и экономическая борьба, а «эксперименты *“всего лишь в сфере культуры”* имели чрезвычайно глубокие политические и экономические последствия» (с. 257). Новые жизненные стили американцев, особенно молодежи, изменили саму сущность капиталистического кризиса: «вместо несбалансированности обращения и перепроизводства ею становится реорганизация аппарата управления» (с. 251).

Успехи американского капитала в реформировании форм организации и управления, позволившие ему занять привилегированное место в мировой системе, – это прямая заслуга американского пролетариата, демонстрирующего новое отношение к жизни и труду¹³. «Капиталу не нужно было изобретать новую парадигму (даже если бы он был способен сделать это), поскольку подлинный момент творчества уже состоялся. Задача капитала состояла в том, чтобы возглавить новую систему, которая уже была независимо от него создана и определена в рамках нового отношения к природе и труду...» (с. 259).

¹³ Кстати, авторы считают, что в 1960–1970-е годы те же изменения настроений демонстрировал и советский пролетариат. Возникло новое качество рабочей силы. «Идеология холодной войны именовала это общество тоталитарным, но на самом деле это было общество, характеризовавшееся яркими образцами свободы и творчества» (с. 260). Именно неспособность советской бюрократии создать механизм «*постсовременной мобилизации новой по своему качеству рабочей силы*» (с. 261) привела к гибели СССР.

Вторым фактором, позволившем Америке стать во главе Империи, явилась конституционная специфика США. Авторы утверждают, что суверенитет США изначально отстраивался на другой основе, чем суверенность национальных государств Европы.

Во-первых, в противоположность идеям Гоббса или Руссо американские отцы-основатели полагали, что «порядок, принимаемый массами, должен быть рожден не из передачи власти и правовых полномочий, а из согласия самих масс, из демократического взаимодействия сил, объединенных в сети» (с. 156). Несмотря на религиозную риторику, в основе американского общественного устройства лежит абсолютно светская идея власти¹⁴. «Здесь нет более никакой необходимости или пространства для трансценденции власти» (с. 156). В европейской же традиции эпохи современности политическая власть отнесена к *трансцендентной реальности*, и тем самым источник власти отчужден от общества.

Подлинным певцом абсолютного суверена как «Бога на земле» стал Томас Гоббс¹⁵. И хотя в свое время теория Гоббса способствовала становлению абсолютной монархии, ее «трансцендентальный принцип мог фактически быть одинаково применен к различным формам правления» (с. 89), поэтому «республиканский абсолют» Руссо фактически не отличается от «Бога на земле» у Гоббса.

Во-вторых, американская государственность отстраивалась через понятие *фронтира* как постоянно отодвигающейся границы. Исторически Америке свойственна тенденция к открытому, экспансионистскому проекту, действующему на неограниченной территории. Суть проекта в превращении *внешнего пространства во внутреннее*, чего не было в отношениях метрополий и колоний¹⁶. (Отсюда частые аналогии Америки и Древнего Рима.) «...Важнейшей особенностью имперского суверенитета является то, что *его пространство всегда открыто*» (с. 161). *Суть Империи – интернализация внешнего*.

Напротив, европейцы эпохи современности мыслили пространство в дихотомии внешнего и внутреннего. «...От Гоббса до Руссо понимали гражданский порядок как ограниченное внутреннее пространство, которое противостоит внешнему порядку природы» (с. 178). Метрополии и колонии никогда не становились единым целым, жестко различаясь в плане подчинения-господства.

Таким образом, европейское понятие трансцендентных суверенов позволило Европе реализовать *империалистические* амбиции, тогда как дух демократической экспансии, лежащий в основе истории и конституции США, позволил ей стать лидером *Империи*¹⁷.

¹⁴ «Ханна Арендт ставила американскую революцию выше французской, поскольку первая воплощала неограниченное стремление к политической свободе, а вторая была ограниченной по своим целям борьбой лишь с нуждой и неравенством» (с. 352).

¹⁵ Теория Т. Гоббса строится на двух допущениях: первое – гражданская война является исходным состоянием общества (война всех против всех), второе – люди ради собственного выживания должны заключить договор, предоставляющий государю абсолютную власть. Иными словами, у Гоббса «суверенитет определяется одновременно *трансценденцией* и *репрезентацией*, представительством, двумя понятиями, которые гуманистическая традиция считала противоречащими друг другу» (с. 89).

¹⁶ «...Распространяясь, этот новый суверенитет не аннексирует или уничтожает другие державы, с которыми он сталкивается, но, напротив, открывается для них, включая их в сеть» (с. 160). Правда, есть опыт уничтожения индейцев. Но они не были участниками создания американского продукта, поэтому, согласно версии авторов, их уничтожили как элемент враждебной живой природы.

¹⁷ Конституция США трактуется изначально имперской, а не империалистической. «Имперской потому, что (в противоположность проекту империализма, всегда

Неспособность Европы возглавить имперский проект привело ее к утрате центра мира. Предчувствие «заката Европы» пронизывает творчество всех крупных философов начала XX века. Американский же конституционализм создавал именно имперский потенциал развития¹⁸. «Сегодняшняя идея Империи родилась благодаря глобальной экспансии собственного, исходно рассчитанного на внутренние условия конституционного проекта США» (с. 174).

Прогрессизм США проявился в их реакции на кризис 1929 г. Капитализм оказался перед выбором способов трансформации. В Италии и Германии реорганизация капиталистических отношений вылилась, в конечном счете, в фашизм. В Японии – в милитаризм. США приняли Новый курс. Это был курс на своеобразное «либеральное планирование экономики» (с. 229). С Нового курса начался процесс преодоления империализма. Новый курс положил начало формированию «государства благосостояния» как модели, принятой в большинстве развитых стран. В основе такого государства лежит триада: тейлоризм в организации труда, фордизм в области заработной платы и кейнсианство в макроэкономическом регулировании общества. «Безусловно, создатели политики Нового курса в США в 1930-х гг. никогда не предполагали такого широкого применения своих идей, но уже в 1940-е гг., в ходе войны, мировые лидеры начали понимать роль и силу этой политики в установлении глобального экономического и политического порядка» (с. 235). Вплоть до 1960-х гг. продолжался «Золотой век преобразований мирового капитализма в соответствии с политикой Нового курса» (с. 231).

Императив Империи

Империя не укрепляет границы, она принимает всех. Это мощный водоворот, втягивающий всех в свой порядок. Но культурная ассимиляция не является приоритетом Империи. Более того, Империя находит способы подтвердить, закрепить эти различия и превратить их в механизм управления на основе потенциальных конфликтов, сопряженных с инаковостью. «...Империя не создает различий. Она берет то, что ей дают, и работает с этим» (с. 189). Например, этнические различия между рабочими являются элементом контроля управляющих в трудовом процессе. «В интересах боссов было, чтобы плавильный котел не растворял идентичности и чтобы каждая этническая группа продолжала жить как самостоятельное сообщество, поддерживая свои различия» (с. 190). Забудем о дефиниции имперского правления «Разделяй и властвуй!» Нынешняя Империя действует с точностью до противоположного. «Тройственный императив Империи суть инкорпорируй, дифференцируй, управляй» (с. 191).

Эти принципы хорошо видны на примере изменения практик расизма. Империя принимает труд всех. Кажется, что расизм отступает, но он только меняет формы. Более того, прогрессирует по масштабности и интенсивности. Расизм эпохи современности черпал доводы в биологии. Поэтому утверждение, что различия между расами обусловлены не биологически, а культурно и социально, составляло суть антирасистских теорий современности. «Представители антирасистской теории эпохи современности действуют на основе веры в то, что социальный конструктивизм освободит нас от смирительной рубашки биологического детерминизма...» (с. 182). Имперский расизм принимает эти аргументы, но

распространяющему свою власть линейно в закрытых пространствах и вторгающемуся в зависимые страны, уничтожающему их самостоятельность и вовлекающему их в сферу своего суверенитета) американский конституционный проект основан на модели выстраивания заново открытого пространства и воссоздания бесконечно различных и сингулярных отношений сетевого типа на неограниченной территории» (с. 174).

¹⁸ Неслучайно автором идеи мирового правительства назван президент США Вудро Вильсон («прозрение великого простеца» – с. 168).

ставит их себе на службу. Империя атакует антирасизм эпохи современности с тыла: различия культур и традиций объявляются непреодолимым препятствием для уравнивания рас. Создается «расизм без рас», т.е. расизм, который более не покоится на биологической концепции расы. Ограниченность гибкости, пластичности культур объявляется основой их жесткой сегрегации. Отличие в том, что *биология иерархизирует расы, а культурология – сегрегирует*. В конечном счете культурология подменяет биологию как теоретическую основу расизма. «...Имперская теория в принципе не может ничего сказать о превосходстве или неполноценности различных рас... Иерархия видится не как причина, но как результат социальных обстоятельств» (с. 184). Иерархия рас трактуется как результат свободной конкуренции рас, своего рода рыночного отбора культур. Это *не расизм исключения, но расизм дифференцированного участия*.

Империя меняет и традиционное представление о центре и периферии мирового хозяйства. По мнению авторов, теории центра и периферии (С. Амин, И. Валлерстайн), Севера и Юга описывают вчерашний день. Консолидация мирового рынка, размах перемещения капитала и рабочей силы не оставляют возможности определить некую географическую область как центр или периферию, Север или Юг. Это не означает, что между США и Бразилией, Англией и Индией нет различий. Однако «разные нации и регионы включают себя в разной пропорции то, что раньше рассматривалось как элементы Первого и Третьего мира, центра и периферии, Севера и Юга» (с. 312).

Впрочем, это не отменяет жестких сегментаций. Просто теперь центр и периферия, Север и Юг как бы прижимаются друг к другу на одной географической территории. Другими словами, «разрыв между богатством и бедностью увеличился, а физическое расстояние между богатыми и бедными, наоборот, сократилось» (с. 313).

Это рождает ситуацию постоянной социальной угрозы, оправдывающей мощный аппарат принуждения и контроля. Империи свойствен диктаторский тип правления как единственно адекватный минуте опасности. Империя всегда в опасности, поскольку построена на *жесткой сегрегации общества в условиях пространственного и технологического сближения «культурно и социально чуждых элементов»*, что постоянно чревато конфликтами. Кризис – неизменное состояние Империи.

* * *

Я старалась максимально точно передать содержание книги. Эгоизм и альтруизм двигали мной. Эгоизм напоминал о немалых усилиях по «расщеплению» книги на ряд доступных пониманию тезисов и противился их приблизительному и краткому изложению. Отсюда эгоистичное игнорирование торопливых читателей. Альтруизм же звал на помощь ближнему, легковесно приравненному к пользователю Интернета, что вылилось в кардинальное изменение структуры книги и безжалостное упрощение ее языка.

Очевидно, что большинство ограничат знакомство с «Империей» лишь этим текстом. Разве что для интерьера приобретут книгу как приметку интеллигентности. Моя задача состояла в создании содержательного эрзаца, пригодного для массового пользователя.

Что касается очевидных эмпирических диссонансов с идеями книги (взрыв национализма, рост антиамериканизма, коррозия мультикультурности, растущее игнорирование политкорректности и пр.), то время покажет, что является течением, а что рябью на поверхности. Выдержит ли новая левая идеология проверку временем? Реализуются ли ее призывы? Не скрою, мне бы не хотелось. Как-то не хочется победы пролетариата, пусть и аматериального, в виде всемирного гражданства и зарплаты неработающим. Но мои потаенные надежды на несбыточность таких революций не отрицают масштаб «Империи» как системного анализа социально-экономических и политических характеристик постсовременности.